

«ЯЗЫК» ИЛИ «НАРЕЧИЕ»? ПОЛЕМИКА ВОКРУГ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА В XIX В. *

Данный обзор посвящен некоторым важным аспектам этногеографической и этнолингвистической номенклатуры, а именно употреблению таких терминов, как «язык» и «наречие», а также «Малороссия» и «Украина», и производных от них понятий в Российской империи XIX в.

Ключевые слова: этнолингвистическая терминология, XIX век, полемика, Украина/Малороссия, украинский язык.

Прежде всего, следует отметить характерное для изучаемого периода несовершенство научных, в том числе этнографических и лингвистических знаний о восточнославянских народах. Начавшийся в первой половине XIX в. процесс дифференциации наук требовал от ученых, в частности, установления в каждой из сфер более точной терминологии. Описывая в своих воспоминаниях начальный период деятельности Русского географического общества, Д.А. Милютин сообщает о том, что одним из первых был затронут вопрос о терминологии. Это нашло отражение в записке, поданной в Совет Общества молодым русским ученым Я.В. Ханьковым, о научной географической терминологии, в которой автор указывал на недостаточную точность терминов и предлагал их пересмотреть [1].

Это имело и самое прямое отношение к таким важным этнолингвистическим понятиям, как «язык» и «наречие».

Начиная со второй четверти XIX в., украинская тематика начинает вызывать живой интерес в различных кругах российского общества. Во многом это было связано с процессом развития славянских наций и дальнейшим национальным пробуждением украинского народа. Со временем потребность в осмыслении «украинского вопроса» явилась стимулом для научных разработок в области истории, этнографии, лингвистики, фольклористики и т. д. История Украины была достаточно мало известна, и когда стали появляться первые опыты изучения украинского народа, русским ученым приходилось как бы «открывать Малороссию». Появляются первые песенные сборники Цертелёва и Максимовича; затем, в тридцатые годы, издания Срезневского, повести Квитки, статьи Вадима Пассека, первые работы Бодянского и т. д.

В 1818 г. в Петербурге вышла первая грамматика украинского языка, написанная А. Павловским (полное название «Грамматика малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями»). Нужно отметить, что у Павловского не было соответствующей лингвистической подготовки для обоснования столь далекоидущих выводов (автор, великоросс, случайно познакомился с украинским языком и счел небезынтересным познакомить с ним читателей). Однако данное произведение интересно нам по той причине, что в нем Павловский затрагивает проблему определения языка и наречия. Уже в самом названии книги есть противопоставление «чистый российский язык» и

* © Александровский И.С.

«малороссийское наречие». Стремясь пробудить в российском обществе интерес к украинской проблематике, Павловский пишет: «Если разбирание Архангельского, Новгородского, Полотского, Стародубского, Муромского и других наречий (не говорю Финских, Ордынских, Югорских, Сибирских, Камчатских языков), которые отличаются только несколькими или нечистыми или смешными, или весьма странными словами, занимает иногда любопытные и время многих знающих справедливую цену вещи людей ...; то для чего же не заняться сколь-нибудь и таким наречием, которое составляет почти настоящий язык?» Определив украинский язык как наречие, Павловский тем не менее указывает на дальнейшие перспективы его развития [2].

Как было отмечено выше, для первой четверти XIX в. характерно весьма малое знание об Украине, ее культуре, народе и языке. Этим можно объяснить периодические появления даже у самых образованных людей того времени различных гипотез в определении украинского языка. В частности, Н.И. Греч в «Опыте истории русской литературы» в 1822 г. писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в юго-западной России, и может даже называться областным польским» [3]. Впоследствии, в своей грамматике русского языка, изданной в 1827 г. с предисловием Ф.В. Булгарина, Греч вновь повторил, что «малороссийское наречие может даже называться наречием языка польского». Объяснение генезиса украинского языка польским влиянием казалось в тот период наиболее естественным по причине долгого нахождения южнорусских земель под польским владычеством, а также наличия в украинском многих польских слов и выражений. Подобный взгляд на украинский язык был характерен и для самих поляков. В том же 1827 г. Максимович, в первом сборнике малороссийских песен, одним из первых напишет об украинском языке как о языке особом, отличном от великорусского, а тем более – от польского [4].

У этой полемики существовал определенный политический подтекст, в котором термины «язык» и «наречие» приобретали особый смысл. Употребляя в отношении украинского языка термин «наречие», многие исследователи и общественные деятели как бы «принижали» его, подчеркивали его «неполноценность», противопоставляя ему язык русский, или общерусский.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что даже лидер радикального крыла Белинский в отношении к украинскому вопросу занимал весьма определенную позицию. Украинцы, по мнению Белинского, - не народ и не нация, а племя; украинский язык - областной малороссийский диалект; «история Малороссии - это река, которая вливается в великую реку российской истории», а потому не может быть и самостоятельной украинской литературы [5]. Подобный взгляд на перспективы развития украинского языка и литературы был широко распространен в 30-40 гг. и среди представителей других общественно-политических течений. В своей неприязни к «малороссийскому языку» Белинский несколько не отличался от Греча, Кукольника, Булгарина, Сенковского и др., разделяя господствующее мнение о том, что «малороссийское наречие» пригодно только на «жарты». В связи с публикацией рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» в русском переводе, критик откровенно писал: «Так-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а еще более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия» [6].

Некоторые российские авторы пытались провести четкую грань между языком и наречием. Так, в «Ливонских письмах» 1852 г. Булгарин указывал на историческое разделение России на Великую Россию, Малую Россию, Белую Россию и Черную Россию. «Жители всех этих четырех исторических отделений, - писал он, - различаются друг от друга наречием». Далее Булгарин приводит точное определение того, что есть язык, а что наречие, и в каком иерархическом соотношении они состоят: «Должно заметить, что наречие не то, что язык, но есть только различие главного языка у племен, составляющих один народ» [7].

В критических отзывах российских публицистов на произведения украинских литераторов украинский язык рассматривался как некое «областное наречие» (здесь следует обратить внимание на такие понятия, как «область» и «областничество»), а всякие попытки его развития воспринимались фактически как стремление к культурной обособленности. В качестве примера можно привести рецензию А. Афанасьева на «Байки и прибаутки» Л. Боровиковского. Наречие, подобное малороссийскому, по мнению Афанасьева, не создает классической литературы и остается достоянием простого народа. Автор рецензии говорит о стагнации в малороссийском языке, считает, что он не имеет данных для развития. Малороссии «в поэзии своей должно сохранять первобытные формы, потому что попытки поставить подобный язык на ходули будут казаться неестественными и даже смешными» [8].

О. Сенковский употреблял в отношении украинского языка такие определения, как «неизвестный», «гибридный» [9].

Подобные выступления русской прессы против украинского языка и литературы еще больше усиливали полемику между российскими и украинскими литераторами. В частности, представители харьковской литературной школы весьма болезненно отреагировали на оценку рецензентом «Ластовки». В письме редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому Г. Квитка писал: «Должен Вам сказать, что при появлении у нас той книги «Отечественных Записок» здесь все взбунтовались против Вашего журнала... О желании Вашем поспорить с нами печатно я передавал здешней ученой молодежи. Это надобно видеть, как все это сословие (их, студентов, большая часть из губерний, знающих наш язык) закипит, забурлит, хватаясь за перья, писать против «Отечественных Записок». Не знаю, напишут ли, но многие собирались. И знаете ли? Этот раскол, произведенный русскими журналами против нашего языка, недолго будет существовать. Дайте нашим юношам возмужать, опериться, т. е. познакомиться с пером, они докажут и утвердят, что великороссийский язык есть только наречие нескольких губерний, дитя то не старше нашего языка, старшего сына коренного славянского» [10]. Можно предположить, что в данном случае такое использование Квиткой определений «языка» и «наречия» в отношении украинского и русского было скорее спровоцировано и являлось некой «защитной реакцией».

В многочисленных статьях и публикациях «Маяка», посвященных украинским реалиям, авторы, как правило, говорят об украинском *языке* (понятие «наречие», если и встречалось, то крайне редко, и какого-то особого смысла в него не вкладывалось). Более того, многие статьи свидетельствуют о том, что журналисты «Маяка» пристально следили за развитием полемики по украинскому вопросу и по возможности принимали в ней участие. Так, возвращаясь

к приведенной ранее рецензии Н. Тихорского на поэму Т. Шевченко «Гайдамаки», можно привести небольшой пассаж, в котором автор от имени журнала отстаивает право украинского языка на самобытность. В своем обозрении Тихорский подверг критике сложившееся в русском обществе мнение о том, будто украинский язык «это не особый язык, а наречие русского языка!»

И.И. Срезневский, работавший в Харьковском университете с 1831 по 1847 гг., в «Запорожской старине» (1834) писал: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, - язык поэтический, музыкальный, живописный» [11].

Любопытен взгляд на обозначенную проблему Н.И. Надеждина. Являясь членом Русского географического общества, а с 1848 г. – управляющим Отделением этнографии РГО, Надеждин особое внимание уделял восточнославянской проблематике. В 1846 г. на общем собрании РГО Надеждин выступил с докладом «Об этнографическом изучении народности русской». В своем докладе он определил «великорусский, малорусский и белорусский» как главные «видоизменения» русского языка. Основная задача исследователя, по мнению Надеждина, - определить в каком отношении находятся эти «видоизменения», что составляет существенные признаки их лексического состава и т. д. [12].

В той же работе, что при обращении к некоторым чертам языка и национального характера закарпатских русинов, Надеждин находит гораздо большее сходство последних не с малорусами, а с великорусами: «язык венгерских русинов ... ближе и понятнее нам, великороссиянам, чем наречие украинских малороссиян». Противопоставление: «язык» - «наречие» достаточно четко демонстрирует позицию видного ученого.

Впоследствии наблюдалась тенденция одновременного существования таких понятий, как «украинский язык» и «малороссийское наречие».

Помимо терминов «язык» и «наречие» употреблялись и такое понятие, как «жаргон». В иерархии оценок «жаргон» находился еще ниже наречия, и если у последнего были определенные шансы развития в язык, то «жаргон» являлся абсолютно тупиковой ветвью. В рецензии на «Кобзаря» Т. Шевченко, помещенной в журнале «Маяк» в 1840 г., П. Корсаков, обращаясь к украинскому языку, писал: «В нем таится еще много драгоценных преданий, недоступных для тех исследователей истории, которые говорят о нем с презрением, как о каком-нибудь безграмотном jargon» [13].

Можно сделать вывод, что под жаргоном в то время понималось нечто искусственное, исковерканное. И гораздо позднее, в 1914 г., В.Н. Перетц в письме к А.А. Шахматову писал: «Грушевский и его соратники - Дорошенко и Ко (у нас в «Украине») хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо старого не знают, с историей языка совсем не знакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченко) в ход «какотворы», либо коверкают русские слова...», и далее «...Грушевский с Дорошенко - гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону... Суди их Бог!» [14].

В отношении белорусов следует отметить, что, по выражению Надежди-

на, в тот период ученые не обладали еще достаточным материалом, и вопрос о них оставался открытым. Что же касается белорусского языка, то почти во всех случаях (даже в «Маяке») к нему употреблялось понятие «наречия». Во многом это было обусловлено отсутствием корпуса новых литературных произведений на белорусском языке, в отличие от украинского.

В конце XIX в. А.Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» полагал, что «в нынешнем составе русского языка есть две основные ветви: великорусская и малорусская (третья, белорусская, не имела особого книжного развития ни в старину, ни в новейшее время, и хотя занимает довольно обширную область земли и народа в западном крае, но по своим чертам так сближается с ветвями главными, что филологи считали это наречие подразделением, одни - языка великорусского, другие - малорусского)» [15].

Еще в 1845 г. И.И. Срезневский в статье «Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских» выделял два наречия, принадлежащие к «Восточному отделу»:

- 1) Великорусское (с поднаречием белорусским);
- 2) Малорусское (Восточное и Западное, в котором представлен также Закарпатский говор) [16].

В своем труде «Белорусы» академик Е. Карский противопоставляет литературе на белорусском наречии художественные произведения на «общерусском» литературном языке. В отношении народного Карский употребляет термин «язык», тогда как литературный белорусский ученый рассматривает как нечто искусственное, несостоявшееся: «Литература на белорусском наречии все же не возникла» [17].

В завершение хотелось бы привести некоторые рассуждения о соотношении языка и наречия достаточно известного литературного критика А. Милюкова, в которых он фактически выразил господствующее в российском обществе мнение об украинском языке. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х гг., Милюков писал следующее: «Местные патриоты уверяют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский – и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений, прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое – самостоятельным языком». Как видим, в этих словах ясно прослеживаются опасения автора, связанные с дальнейшим развитием малороссийского национального возрождения. «Украинцы, - продолжает Милюков, - говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Согласно автору, эту монополию дал русскому языку не «кружок патриотов», а «ход самой истории». В доказательство своей мысли о превосходстве русского над малороссийским Милюков проводит параллели с английским и шотландским, а также итальянско-флорентийским и пьемонтским и неаполитанским. Таким образом, по мнению автора: «В истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно также, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским» [18].

Следует отметить, что вопрос отношения и определения украинского языка стоял весьма остро на протяжении всего XIX и начала XX вв. Это нашло отражение и в политике российских властей. Точка зрения правительства была выражена в «высочайше одобренном» циркуляре министра внутренних дел графа Петра Валуева от 20 июня 1863 г. Опираясь на высказываемые в прессе (например, в киевском «Вестнике Юго-Западной России») лояльные украинофильские взгляды об употреблении украинского языка, Валуев писал, что «большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши...» [19].

На протяжении второй половины XIX в. украинский язык обсуждался с точки зрения трех проблем:

1) Язык это или наречие (диалект) великорусского (общерусского, просто русского) языка.

2) Древность этого языка/наречия по сравнению с великорусским.

3) Возможность употребления данного языка не только в художественной литературе, но и в науке и образовании [20].

Вопрос об украинском языке рассматривался в начале XX в. на уровне Академии наук. Обращение к материалам российской прессы демонстрирует тот факт, что во многих случаях использование таких понятий, как «язык» и «наречие» имело ярко выраженный подтекст. Несовершенство научных знаний и не устоявшийся понятийный аппарат способствовали широкому хождению политически ангажированных концепций. Тем не менее следует отметить, что еще чаще ученые и общественные деятели употребляли обозначенные понятия достаточно произвольно, не видя между ними особой разницы. В частности, в статье Журнала Министерства народного просвещения, посвященной учреждению кафедры славянской литературы во французской коллегии, автор рассматривает славянский язык как язык мертвый, и выделяет его «ныне существующие» наречия: русское, польское, богемское, сербское и т. д. [21]. В опубликованной в 1900 г. статье «Малорусский язык и «Украинско-русский» литературный сепаратизм» Т.Д. Флоринский - видный филолог-славист, профессор Киевского университета Св. Владимира, полагал, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное» [22]. Даже такой видный идеолог украинского национального движения, историк, этнограф, писатель и критик Н. И. Костомаров в своих трудах об украинском языке также периодически употребляет обозначение «малорусское наречие» по отношению к «русскому языку» (хотя, безусловно, в данном случае следует учитывать фактор существования цензуры) [23].

Помимо языка и наречия, исследователи оперировали и такими понятиями, как «поднаречие», «диалект», «жаргон», выстраивая, таким образом, целую лингвистическую иерархию. Можно предположить, что понятия «язык» и «наречие» находились в таком же соотношении, как понятия «народ» и «племя». Наконец, можно проследить определенную корреляцию: с одной стороны – малороссийское наречие, с другой – украинский язык.

Несмотря на тот факт, что научное изучение проблем, связанных с языком Малороссии, началось на рубеже XIX и XX вв., полемика о месте украинского языка среди других славянских языков и о перспективах его развития

была начата на страницах русской прессы еще в первой половине XIX в.

Еще сложнее дело обстоит с понятиями «Малороссия» и «Украина», являвшимися одними из наиболее дискуссионных. Два понятийных ряда долго сосуществовали. По мнению Л.Е. Горизонтова, эти термины могли выступать:

- 1) как взаимозаменяемые;
- 2) Украина могла пониматься как часть Малороссии;
- 3) одно понятие употреблялось наряду с другим при обозначении двух различных смежных территорий.

«Во всех этих комбинациях, – считает Горизонтов, – Малороссия и Украина сосуществовали вполне мирно, часто «через запятую»: семантическое наполнение каждого из терминов отражало не этнополитические реалии, а историко-географические традиции» [24]. Действительно, на основании собранных материалов можно констатировать тот факт, что российские исследователи и литераторы использовали в отношении Украины как термин «Малороссия», так и «Украина». Безусловно, между ними существовало определенное различие, но оно никогда не уточнялось. Несмотря на то, что многие разграничивали этнонимы «малоросс» и «украинец», их различие также никогда не уточнялось. Более того, эти понятия употреблялись с далеко неодинаковой частотой. Для первой половины XIX в. все же более характерно более частое употребление понятий «малоросс, Малороссия».

Тем не менее, уже в первой половине XIX в. понятие Украины наряду с Малороссией прочно вошло в русский лексикон. В течение долгого периода эти «книжные» термины функционировали лишь в среде образованного общества. В отношении содержательного наполнения этих двух понятий можно сделать вывод, что у разных авторов соотношение их было весьма различным и неоднозначным. Однако в определенный момент, примерно к концу 40-х гг., понятия Малороссии и Украины приобрели политически ангажированное, жестко конфронтационное по отношению друг к другу звучание [25]. Одним из первых такой смысл стал вкладывать в них Т. Шевченко.

Данный обзор не претендует на полноту и лишь свидетельствует о том, что затронутая тема нуждается в более пристальном внимании и разработке. Как справедливо заметил А.И. Пыпин: «Надо пожелать, чтобы, хотя для сохранения научного достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было внимание, которого он заслуживает, и чтобы «спор между южанами и северянами» кончился на спокойной и свободной научной почве» [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Милютин Д. А. Воспоминания. 1843 - 1856. – М., 2000. – С. 139.
- 2 Цит по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. - Спб., 1891. - Т. 3. - С. 310-311.
- 3 Опыт истории русской литературы. – Спб. 1822. – С. 12.
- 4 Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – Київ, 1993. – С. 157.
- 5 Цит. по: Барабаш Ю. Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. – М., 1995. – С. 77.
- 6 Белинский В. Г. ПСС. – М., 1979. – Т. 2. – С. 275-276.
- 7 Северная пчела. – 1852. – № 221.
- 8 Северная пчела. – 1852. – № 221.
- 9 Библиотека для чтения. – 1841. – Т. 48. – С. 43-45.
- 10 Цит. по: Голубенко П. Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – С. 157.
- 11 Цит. по: Saunders D. The Ukrainian impact on Russian culture 1750-1850. – Edmonton, 1985.

- Р. 142-143.
- 12 Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Кн. 2. – СПб. 1847. – С. 112.
- 13 Маяк 1840. – № 6. – С. 94.
- 14 Минувшее. Исторический альманах. – СПб., 1998. – Т. 23.
- 15 Пыпин А. И. История русской этнографии. – Т. 3. – СПб., 1891. – С. 307-308.
- 16 Журнал министерства народного просвещения. – 1845. – Ч. 48. – № 12. – С. 11.
- 17 Карский Е. Ф. Белорусы. – Вильна, 1904. – С. 430.
- 18 Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления. – СПб., 1875. – С. 131-132, 141-142.
- 19 Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 240-241.
- 20 См.: Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. – Edmonton. 1981.
- 21 Журнал министерства народного просвещения. – 1840. – Ч. 26. – № 6.
- 22 Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм в России. – М., 1998. – С. 337.
- 23 См. Костомаров Н.И. Казаки. Исторические монографии и исследования. – М., 1995.
- 24 Горизонтов Л. Е. // Белоруссия и Украина: История и культура. – М., 2003. – С. 135.
- 25 Там же.
- 26 Пыпин А. И. История русской этнографии. – Т. 3. – СПб., 1891. – С. 338.

I. Alexandrovsky

«LANGUAGE» OR «DIALECT»? DISPUTE ON UKRAINIAN LANGUAGE IN THE XIX-TH CENTURY

This review is devoted to some significant problems of ethnographic and language expressions usage, such as language and dialect as well as Ruthenia and Ukraine in Russian empire in the XIX-th century.

Key words: ethnolinguistic terminology, XIX-th century, polemic, Ukraina/Malorossiaya, the Ukrainian language.